

РЕЦЕНЗИИ

© С.Н. Абашин. Рец. на: *Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond* / Eds. D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. 425 p.

“Почему этнос (все еще) имеет значение?” – так назвал свой небольшой текст, поставленный в эпилог рецензируемого сборника, известный американский историк российской этнографии Натаниел Найт. Почему, несмотря на довольно долгую и сильную академическую критику извне и изнутри российского научного сообщества, термин “этнос” тем не менее сохраняется в исследовательском и в общественном языках, более того – становится даже популярнее, чем в советское время? Не только потому – отвечает он на свой вопрос, – что эту категорию рекламируют политики, добывающиеся каких-то корыстных целей. Но и потому, что “концепт не сохранился бы, если бы не имел определенной элементарной тяги, объяснительной силы, которую нельзя было бы легко вызвать с помощью других средств” (с. 390). Это особенно ясно, продолжает Найт, если посмотреть на концепцию этноса в более широком интеллектуальном контексте как на особый способ помыслить (*ethnos thinking*) культурные и социальные процессы в их биосоциальном единстве.

Именно такую задачу – посмотреть на теорию этноса как слагаемую из множества факторов – поставили перед собой авторы книги “Жизненные истории теории этноса в России и за ее пределами”. Во введении (“Обосновывая теорию этноса”) и в первой главе (“Мышление в русле этноса в долгом XX веке”) редакторы сборника (Дэвид Андерсон, Дмитрий Арзютов и Сергей Алымов) дают общее представление о теории этноса и пытаются разрушить стереотипы о ней как изолированной от мировой антропологии и связанной только с советскими идеологическими задачами и институтами, несущей только негативный “примордиалистский” и даже “биологический” оттенок в противопоставлении более правильной западной “конструктивистской” идее. Отказываясь от этих ярлыков, Андерсон, Арзютов и Алымов предлагают проследить тенденцию формирования российской этнографической и вообще социально-гуманитарной мысли с момента ее зарождения в середине XIX в. и до сегодняшнего дня, увидеть, как в столкновении и взаимодействии разных точек зрения и подходов, школ и направлений, в непрекращающемся диалоге с мировой антропологией возник *ethnos thinking*. Из такой перспективы видно, что теория этноса, сформулированная в первой четверти XX в. Николаем Могиланским и Сергеем Широкогоровым как “биосоциальный компромисс” или “биосоциальный синтез”, образовалась на пересечении множества разных академических столкновений: дискуссий между этнографией имперского разнообразия и этнографией славянского/русского национального духа, между естественно-научным (позитивистским) и гуманитарным знаниями, между эволюционистами и их оппонентами. К этому авторы теории добавляют политический фактор усиления национальных движений, борющихся за признание, автономию или даже независимость отдельных территорий, с одной стороны, и, с другой стороны, активной национализации имперской и потом советской

Сергей Николаевич Абашин | <http://orcid.org/0000-0002-4873-1596> | s-abashin@mail.ru | д. и. н., профессор | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 191–194. <https://doi.org/10.31857/S086954150010056-1>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

сердцевины или метрополии. Набирающие популярность на рубеже XIX–XX вв. идеологии, апеллирующие к народам и нациям, оказываются важным триггером для теоретических конструкций и размышлений о природе и происхождении сообществ и границах между ними.

Советская и постсоветская история концепции этноса 2.0, как остроумно отделяет Найт в своем эпилоге этап ее появления от следующего этапа возрождения, тоже изобилует именами, названиями учреждений и публикаций. Редакторы сборника убеждают читателя, что, несмотря на критику и даже запрет теории этноса, налаженный в 1930–е годы новыми теоретиками советского марксизма, среди которых был, например, будущий директор Института этнографии Сергей Толстов, *ethnos thinking* продолжал сохраняться в этнографических описаниях и размышлениях, иногда прямо напоминая о себе в текстах Павла Кушнера и Сергея Токарева. В 1960–е годы концепции этноса опять становятся публично обсуждаемыми благодаря усилиям нового директора Института этнографии Юлиана Бромлея и ученого-диссидента Льва Гумилева, вокруг сопоставления/противопоставления которых в тексте книги выстраивается позднесоветская биография этой теории. В частности, авторы обращают внимание на то, что теории Бромлея и Гумилева, а также таких исследователей, как Виктор Козлов, Валерий Алексеев и Юрий Семенов (к ним можно было бы добавить вскользь упомянутых или неупомянутых вовсе Сергея Арутюнова, Михаила Крюкова и Владимира Пименова), по-разному прочитывали связи биологического и социального в этносе, предлагали разные классификации этнических общностей и процессов. В популяризации и распространении, несмотря на критику уже третьего по счету директора Института этнографии Валерия Тишкова, концепции этноса 2.0 в постсоветский период сыграли свою роль опять же политическая ситуация, новый интерес к национализму как в центре, так и на окраинах бывшего СССР. Пожалуй, этому общему разделу о советском периоде все-таки не хватило материала для анализа, стоило бы, наверное, подробнее упомянуть роль Николая Марра и марризма в критике теории этноса и в своеобразном понимании этногенеза, работу Иосифа Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, которая дала толчок возрождению теории этноса, не лишним было бы более детальное расследование связи между концепциями этноса 1.0 и 2.0, чтобы выяснить, какой здесь могла быть биографическая преемственность. В этих и других вопросах рецензируемая книга скорее стимулирует продолжение новых изысканий, нежели дает готовое исследование.

Следующие четыре главы сборника используют другую аналитическую перспективу. Их авторы смотрят на историю жизни (*life history*) теории этноса через биографии конкретных исследователей, траектории их перемещения в географическом, политическом и интеллектуальном пространствах. При этом в поле зрения, как замечает в эпилоге Найт, оказывается исключительно концепция 1.0. В третьей и четвертой главах (“Украинские корни теории этноса” [Сергей Алымов] и “Картографируя этнос: географическое воображение Федора Волкова и его студентов” [Сергей Алымов, Светлана Подрезова]) рассказывается о двух значительных фигурах петербургского академического сообщества начала XX в. — Федоре Волкове (Вовке) и его ученике Николае Могилянском. Как отмечают Алымов и Подрезова, они были ключевыми фигурами в разработке *ethnos thinking*, а Могилянский первым на русском языке стал употреблять само слово “этнос”. Фокусируясь на биографиях и взглядах своих героев, авторы показывают, что концептуальные поиски стали продуктом активности целой сети интеллектуалов и влияний современных им веяний в европейской, прежде всего немецкой и французской, науке. Члены этой сети или отдельной школы смотрели на общество и человека с точки зрения физической антропологии и географического детерминизма, но не сводя все к расовым делениям, а пытаясь найти в социальных процессах природные естественные законы и соединяя социальное с биологическим. Их аргументы оттачивались в споре с другой, эволюционистской, сетью, к которой

принадлежали Дмитрий Анучин, Владимир Ихельсон и Лев Штернберг. В четвертой главе, в частности, подробно рассматривается их участие в создании этнографической карты России в составе постоянной комиссии, которая начала работать в 1910 г. и задачей которой было создание стандартных исследовательских практик комплексного описания народов. Из работы этой комиссии родилась целая серия модельных народоописаний, созданных Сергеем Руденко, Давидом Золотаревым и Дмитрием Зелениным.

Алымов в третьей главе акцентирует внимание на политическом контексте до и особенно после революции 1917 г., а именно на активном участии Волкова и Могилянского в украинском национальном движении и украинской политике, что было, по его мнению, важным фактором формирования их теоретических взглядов на народ/этнос как отдельную, естественным образом сложившуюся и отличную от других социальную единицу. “Появление *ethnos thinking*, — пишет исследователь, — должно рассматриваться не как изобретение чистых ученых, а в политическом контексте турбулентных последних лет Российской империи” (с. 78). Анализируя взгляды активистов украинского национализма Михаила Грушевского, Николая Костомарова и Владимира Антоновича, Алымов показывает их идейную близость к академическим построениям Волкова и Могилянского, подчеркивая, что эта политическая подоплека была неочевидной современникам, а теория этноса воспринималась как объективная и модельная для всех народов.

Две следующие главы («Заметки из “улиточной ракушки”: полевая работа Широкогорова и заложение основ для *ethnos thinking*» [Дэвид Андерсон] и “Порядок из хаоса: антропология и политика Сергея Широкогорова” [Дмитрий Арзютов]) посвящены другой важной фигуре первой половины XX в. — Сергеем Широкогороду, который вышел из той же сети интеллектуалов, к которой принадлежал Могилянский, и сформулировал собственную оригинальную версию теории этноса. В этом случае авторы глав исследуют совсем другие контексты, которые стали условием для *ethnos thinking*. Это уже не сети интеллектуалов, а полевая работа в состоянии, как вспоминал сам Широкогород, “улитки” в 1912 и 1913 гг. в Забайкалье. Периферийная ситуация в пограничье России и Китая, где происходило интенсивное смешение разных культурных практик и идентичностей, предопределила скептический взгляд Широкогорова на самосознание и заставила его, как считает Андерсон, искать новый “гиперпозитивистский” математический способ их осмысления через понятия биологического единства, адаптации к внешней среде и баланса с другими этносами.

Другим контекстом стала политическая биография Широкогорова, которая, в отличие от того же Могилянского, не была привязана к какому-то национальному движению, а имела, скорее, траекторию борьбы с большевиками и эмигрантской жизни русского оппозиционера в Китае. Арзютов в шестой главе призывает «расширить наш взгляд на его “поле”, включив в него не только его новаторские исследования в Забайкалье (см. главу 5), но и то, как он оттачивал свои навыки наблюдателя в кипящей политической среде в Восточной Евразии» (с. 252). В главе биография Широкогорова описывается как балансирование между разными политическими силами и странами, пребывание в состоянии политической неопределенности, что, как считает автор, было одним из фундаментов его теории этноса.

Две последние главы сборника должны, как пишут редакторы во введении, “просигнализировать важность биосоциальной теории сегодня” (с. 15). Правда, это уже не историографические исследования академической концепции этноса, а, скорее, примеры того, как *ethnos thinking* существует в повседневном и активистском языке. В главе Джоселин Даддинг (“Гоняясь за тенью: фотографии из бывшей Северо-Западной Манчжурии”) показано, каким образом современные жители северной китайской провинции воспринимают, прочитывают и обсуждают в условиях определяемой государством национальной (*mínzú*) идентичности фотографии своих

предков, сделанные почти 100 лет назад Сергеем Широкогоровым и его супругой Елизаветой, а также в 1929 и 1932 гг. супругами-учеными Этель Линдгрэн и Оскаром Мэмен. Восьмая глава («Море — наше поле»: идентичность поморов в российской этнографии» [Маша Шоу, Натали Вансидлер]) анализирует, как терминология теории этноса становится частью активистских практик поморцев, особой группы в Европейской Арктике, отстаивающей одновременно свою настоящую русскость, свое право быть отдельным “субэтносом” русских и в то же время описывающей себя нередко в качестве этноса, т.е. самостоятельного народа. Эти тексты, на мой взгляд, несколько выпадают из общей логики книги, выглядят искусственной вставкой, но все же они, видимо, указывают не только на необходимость анализа теории этноса 2.0, а может и какой-то очередной теории этноса 3.0, но и на потребность осмыслить способы апроприации теоретического языка за пределами науки.

Подводя итог и выступая в роли своеобразного внутреннего рецензента, Натаниел Найт в эпилоге, еще раз кратко подкрепляя аргументы редакторов и авторов сборника, выводит историю теории этноса в более широкую историческую перспективу, видя в этой теории не временную экзотическую моду, а базовый взгляд на мир, “старое вино в новых бутылках” (с. 396), по его выражению. Основную часть своих рассуждений он посвящает содержательной характеристике теории этноса, чему рецензируемая книга как раз отводит второстепенную роль. Найт убеждает читателя, что концепция этноса, хотя и признает межпоколенную преемственность и отсылает к биологии и географии, не должна быть негативно описана в качестве “примордиалистской”, она вполне допускает изменчивость с течением времени, объясняет сложные и динамичные процессы, предполагает разные вариации соединения элементов культуры в единое целое, даже биологическое начало в этой теории не играет детерминирующей роли и может интерпретироваться по-разному. Плюсы теории этноса, которые связаны с поиском преемственности и созданием коллективной самоидентификации, могут, не отрицает автор, породить и минусы: служить оправданием насилия и фобий. Но является ли выходом из этой дилеммы отказ от самой теории? Согласятся ли люди отвергнуть этот или схожий с ним термин, который подчеркивает их групповое единство? Скорее всего, полагает Найт, *ethnos thinking* будет существовать в тех или иных формах и дальше, а российскому академическому сообществу придется признать это мнение и работать с ним. С этим трудно не согласиться. Но нужно ли тот понятийный аппарат, который используется в повседневности и политике, делать теорией, объясняющей эти повседневность и политику? И еще, означает ли это, что российская наука, признавая теорию, именно теорию этноса, вынуждена будет по-прежнему дистанцироваться от мировой антропологии, где этнос не спешит утверждаться в качестве ведущей концепции? Кажется, тут еще есть о чем дискутировать.

Book Review

Abashin, S.N. Review of *Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond*, edited by D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov. *Этнографическое обозрение*, 2020, no. 3, pp. 191–194. <https://doi.org/10.31857/S086954150010056-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergey Abashin | <http://orcid.org/0000-0002-4873-1596> | s-abashin@mail.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Street, St. Petersburg, 191187, Russia)